

Научная статья
УДК 34.01

О ДИСКРЕТНО-ОТКРЫТЫХ И ОПОСРЕДОВАННО-ФОНОВЫХ ПРОЯВЛЕНИЯХ СОЦИАЛЬНОГО ЗЛА

Рафаил Валейзянович Насыров

кандидат юридических наук, доцент, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
nasyrov.rafail@yandex.ru

Аннотация. В статье ставится вопрос о необходимости различения двух форм проявления социального зла — дискретно-открытых и опосредованно-фоновых. В качестве методологической основы использована коммуникативно-диалогическая парадигма исследования социальных явлений, которая предполагает исследование и оценку социальных явлений с учетом контекста актов взаимодействия участников общественной жизни. Подчеркивается, что формально-юридическое регулирование эффективно в противостоянии дискретно-открытым проявлениям социального зла, но оказывается недостаточным в поддержании самой атмосферы социального мира, основанного на началах человечности, нравственности и справедливости.

Ключевые слова: зло, социальный мир, дискретно-открытые и опосредованно-фоновые проявления социального зла, формально-юридическое регулирование

ABOUT DISCRETE-OPEN AND INDIRECT-BACKGROUND MANIFESTATIONS OF SOCIAL EVIL

Rafail V. Nasyrov

PhD in Law, Associate Professor, Altai State University, Barnaul, Russia,
nasyrov.rafail@yandex.ru

Abstract. The article raises the question of the need to distinguish between two forms of manifestation of social evil — discretely-open and indirectly-background. As a methodological basis, the communicative-dialogic paradigm of the study of social phenomena is used, which involves the study and evaluation of social phenomena taking into

account the context of acts of interaction of participants in public life. It is emphasized that formal legal regulation is effective in countering discretely open manifestations of social evil, but it turns out to be insufficient in maintaining the very atmosphere of social peace based on the principles of humanity, morality and justice.

Keywords: evil, social world, discretely-open and indirectly-background manifestations of social evil, formal legal regulation

Для начала несколько слов о методологических предпосылках данного исследования. Своеобразие научного творчества гуманитариев в том, что в основе их объективно-рациональных и систематизированных размышлений о соответствующем предмете должны лежать пусть эмоционально-образные, но целостные впечатления и переживания. Сама наука не может быть истоком и началом научного творчества; только в фантазиях барона Мюнхгаузена можно вытаскивать себя за волосы. В этом смысле необходимо воспринимать известное высказывание М. Хайдеггера — «Наука не мыслит, ибо ее способ действия и ее средства никогда не дадут ей мыслить — мыслить так, как мыслят мыслители» [1]. Скажем, что ученый мыслит тогда, когда рассматривает полученный им результат научного изыскания в контексте всего социального мира, а не погружен лишь в свой специфичный предмет исследования. Когда Роберт Опенгеймер изучал физику и занимался разработкой атомной бомбы, он не мыслит, а решает сложные научно-технические «головоломки». Мыслить он стал тогда, когда, увидев свое изобретение в действии, процитировал строки из Бхагавадгиты («Я смерть, разрушитель миров») и стал выступать за установление контроля над вооружением.

Подобно тому, как дыхание — это единство вдоха и выдоха, так же и мышление предполагает сочетания противоположностей, например, анализа и синтеза. Но наука аналитична всегда, во всем и по своей сути. Наука завела о претензиях заменить религию и сформировать новое целостное мировоззрение. Но странный лингвистический факт: в терминологии науки, с одной стороны, широко используется понятие *научная аналитика*, но с другой стороны — почему-то категория *научная синтетика* не только не разработана, а была бы примером оксюморона. Речь о том, что наука вообще не способна на синтез знания, если не смешивать этот содержательный процесс с классификацией, артикуляцией и упорядочением произведенного наукой аналитического знания.

Начала и элементы рационально-научного познания существовали и до эпохи Нового времени, но было очевидным, что на их основе невозможно составить целостное мировоззрение и определить место человека в мироздании. Наука возникла в результате развития методологии рационального познания и расширения его сферы, но от этого она не утратила своего «частичного» характера. М. Хайдеггер пишет: «Каждая наука в качестве исследования опирается на проект той или иной ограниченной предметной сферы и потому необходимо оказывается частной наукой. А каждая частная наука в ходе достигаемого ею методического развертывания исходного проекта должна дробиться на определенные поля исследования» [2, с. 46]. Истоки кризиса и абсурда современного мира необходимо искать в этом стремлении придать специфично-частному всеобщий характер.

Преодолеть эту «однобокость» внутри самой науки невозможно. Проанализировать, т. е. «разобрать» явление на составные элементы, наука способна, но отодвигая в сторону, игнорируя, а затем и отрицая значимость тех сторон явления, которые невозможно рационально познать. «Конечно, жизнь тоже можно охватить как величину движения в пространстве и времени, но тогда нами схвачена уже не жизнь» [2, с. 44]. Наука не хочет признавать эту свою ограниченность и уклоняется от этого вопроса, придавая лихорадочный характер той стороне своей деятельности, в которой она несомненно эффективна, т. е. в аналитике, в еще большем дроблении предмета научного познания: «Такое дробление (специализация) никоим образом не есть просто фатальное побочное следствие растущей необходимости результатов исследования. Оно не неизбежное зло, а существенная необходимость науки как исследования» [2, с. 46].

Сейчас уже не ведутся оптимистичные разговоры о том, что умножение наук приведет к возникновению одной синтетической Науки (с большой буквой), в которой воплотится целостное мировоззрение о мире и человеке. Трудно не заметить, что экспоненциальное развитие наук и соответственно технологий сопровождается сужением кругозора человека, фрагментацией и шизофренизацией его сознания. Современная технология политэкономической власти формирует человека с узкими пространственно-временными рамками восприятия контекста социального акта. Ж. Делез пишет: «Наше общество производит шизофреников, так же как оно производит шампунь и автомобили»; поэтому — «Память становится чем-то предосуди-

тельным. ... Личность стала действительно «частной», так как является результатом игры абстрактных количеств и становится конкретной в становлении самих этих количеств» [3, с. 59, 63].

Сказанное означает, что добросовестный ученый должен всегда иметь в виду, что его исследования относятся лишь к отдельным аспектам действительности, и осторожно относиться к общим формулировкам, претендующим на раскрытие природы общества и человека в целом. Традиционное мировоззрение, несмотря на метафорически-образный стиль мышления, формулировало истины на основе принципа различать и связывать отдельные стороны социального бытия, но не смешивать их. Так, в известном библейском суждении «Не хлебом единым жив человек» (Второзаконие, 8, 3; Матф., 4, 4; Лука, 4, 4) содержатся два императива: человек не может жить без хлеба, но не должен сводить смысл жизни лишь к ее экономической стороне. А. Смит, стоящий у истоков экономической науки, утверждал о естественной склонности человека «к мене, торговле, к обмену одного предмета на другой» и поставил вопрос о том, «является ли эта склонность одним из тех основных свойств человеческой природы, которым не может быть дано никакого дальнейшего объяснения» [4], т. е. является ли эта склонность сущностной и фундаментальной в человеке. В дальнейшем на этот вопрос был дан положительный ответ, вся сущность человека была сведена к этой необходимой, но лишь одной стороне его бытия — экономической; точным определением современного человека являются его характеристики как «*homo economicus*» и «*homo consumens*» — «человек экономический» и «человек потребляющий». Ф. Джеймисон в своей известной книге раскрывает тотализирующий характер дискурса экономистов, когда они свой специфично-экономический метод анализа используют как унифицированный аппарат для понимания *всего* человеческого поведения [5, с. 530].

Бросим камень и в сторону юридической науки, представители которой способствовали внедрению в общественное сознание установки — «господство права во всех сферах общественной жизни». Проблема в том, что в этом словесном клише речь идет не о правде и справедливости, а о специфичном, формально-юридическом механизме воздействия на общество, тесно связанном с государством. Поэтому утверждение режима «господство права» неизбежно ведет к этатизации общественной жизни. Обычно тезис о необходимости утвердить режим господства права не вызывает сомнений и возра-

жений. Но в соответствии с закономерностью «крайности смыкаются» препятствием на пути формирования развитой правовой культуры может стать не только недостаток права, но и его переизбыток. Заслуга в такой постановке вопроса принадлежит Н. И. Матузову: «Если правовой нигилизм в самом общем плане означает недооценку или игнорирование права, то правовой идеализм — его переоценку, идеализацию. Оба эти явления питаются одними корнями — юридическим невежеством, незрелым правосознанием, дефицитом политико-правовой культуры» [6, с. 189]. Формально-юридическое не просто начинает проявляться в отдельных аспектах социальных отношений, а проникает в самую сердцевину общественной жизни и становится ее фоном. Так законность и правопорядок, как предпосылки и аспекты функционирования общества, отождествляются с самим социальным миром.

Непривычно слышать, что переоценка роли права в общественной жизни может только навредить праву. Дело в том, что в юридической науке предметом правового регулирования признаются общественные отношения, которые соответствуют определенным признакам. Важно следовать следующему методологическому требованию: раскрывая содержание того или иного понятия, внимательно относиться к порядку расположения существенных признаков определяемого явления. Обосновывая ценность права, принято указывать на то, что оно регулирует наиболее важные общественные отношения. Может возникнуть ложное впечатление, что, если право не регулирует те или иные отношения, то они не являются социально-значимыми, или, напротив, — признание высокой ценности данных общественных отношений означает, что они непременно должны быть включены в предмет правового регулирования. Поэтому целесообразно прежде всего указывать на тот факт, что в предмет правового регулирования могут быть включены те социально-значимые общественные отношения, в которых поведение субъектов носит сознательно-волевой характер и может быть подвергнуто внешнему контролю. И. А. Ильин разъясняет: «Право не может и не стремится регулировать своими предписаниями душевно-духовную жизнь человека и сосредотачивает свое внимание на том, что внешне-уловимо и вовне-проявлено: было бы нелепо предписывать человеку в гетерономном порядке такие деяния, ценность которых обусловлена их автономностью и осуществление которых не поддается учету и проверке» [7, с. 229].

Сказанное о предмете экономической науки и юриспруденции предполагает признание того, что они имеют отношение лишь к отдельным аспектам бытия человека и общества, что показывает исследование так называемого «индекса счастья» и «парадокса Истерлина». Предмет и метод формально-юридического регулирования направлен на пресечение, по выражению В. С. Соловьева, явных проявлений зла. Важно признать, что существуют сегменты социального пространства и аспекты общественной жизни и, наконец, формы проявления добра и зла, находящиеся вне сферы прямого исследования науки и воздействия соответствующей практики, но эти явления имеют фундаментальное значение для социального мира.

После этих общих (методологических) суждений для обоснования правомерности постановки вопроса, отраженного в названии данной статьи, как это принято у юристов, приведем конкретные примеры. В настоящее время прогресс в отдельных сферах общественной жизни напрямую связывают с внедрением цифровых технологий. Проходит родительское собрание в полностью оцифрованном классе и учительница со стажем призывает: «Обнимайте своих детей хотя бы пять раз в день! Дети сейчас пошли какие-то недоласканные и недолюбленные». Эти слова произносятся на фоне интерактивной доски, над головой учительницы DLP-проектор и т. п. В систему критериев оценки состояния образования не включается общая атмосфера, которая складывается в учебных заведениях; значительно проще подсчитывать количество компьютеров и часов, проведенных с их использованием. Непосредственно проявляются начала картезианской методологии; в «Правилах для руководства ума» Р. Декарт пишет: «Нужно заниматься только теми предметами, о которых наши умы очевидно способны достичь достоверного и несомненного знания» [8, с. 79]. Давно замечено, что в целом процесс познания истины непосредственно связывается со зрительным восприятием, с «видностью очами» фактов. Влияние математики на методологию наук, в том числе социальных, основывается на этой способности стигматизировать факты, выражать их в виде наглядных знаков-цифр («на них можно глядеть»). Поэтому известную фразу М. Планка «Действительно то, что поддается измерению» можно понимать в том смысле, что если нечто невозможно увидеть и измерить, то это является недействительным или малозначительным. Речь не идет об отрицании определяющей роли зрения в познании и оценки мира, но мудрый Аристотель, с одной стороны, назы-

вал зрение началом и финалом познания, но, с другой стороны, предостерегал: «Будучи самым точным и/или необходимым чувством... зрение делает иллюзию труднообнаружимой, а значит, тем коварнее вводит в заблуждение» [цит по: 9, с. 386]. Важно научиться не только *видеть* проявления социального зла, но и, образно говоря, *обонять* его запахи («вонь»).

С учетом сказанного обратим внимание на то, что после трагических событий в колледже Керчи 17 октября 2018 г., школе в Казани 11 мая 2021 г. и Пермском университете 20 сентября 2021 г. начинают искать причины лишь дискретно-наглядные, административно-технические (недостатки в организации охраны, необходимость внедрения более совершенных контрольных «рамок», изменения в законодательстве об обороте оружия и т. п.). Депутат Государственной Думы О. Н. Смолин попытался повернуть обсуждения такого рода событий в направлении их глубинных причин: «С моей точки зрения проблема публичного насилия в школе, — это не столько вопрос охраны, сколько патология общественных отношений. Школа — это зеркало общества» [10]. Раньше вызывал тревогу факт попадания подростка в компанию «гопников», что могло привести к де социализации человека и в итоге к совершению правонарушений — хулиганство, кражи, грабежи и т. п. Но давайте признаем, что даже в этой асоциальной среде массовое убийство людей (в том числе и детей) как самоцель было бы признано «беспределом» и поведением полностью «отмороженных». Но где же эти стрелки из Керчи, Казани и Перми «отморозились»? Оказывается, что средой их обитания и «воспитания» стал интернет. Очевидно, что интернет — это уже не источник разнообразных видов информации, а среда обитания и воспитания значительной части молодежи. И раньше существовали сегменты социального пространства с повышенной концентрацией зла. Но очевидно, что, например, Facebook — это не «место», а паутина в информационном пространстве. Сотрудница этого информационного монстра Френсис Хауген совершила мужественный акт, аналогичный разоблачению ОПГ (с моральной точки зрения), и заявила, что из стремления к прибыли эта соцсеть проводит политику, которая негативно влияет на психического здоровье людей и разжигает ненависть [11].

Данные примеры приведены с целью убедить в необходимости выделять не только единичные (дискретные), но и общие, условно говоря, «фоновые» проявления добра и зла в общественной жизни.

Так, Уголовный кодекс РФ в ст. 134 устанавливает строгие санкции за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста. Но наряду с сексуальной педофилией существуют не менее асоциальные и при этом более масштабные, прочно вплетенные в ткань общественной жизни проявления коммерческой педофилии. Остро стоит вопрос о реализации этических требований к рекламе, предназначенной для детей; в Швеции и Норвегии при одобрении большинства населения детская реклама вообще считается недопустимой и запрещена для детей до 12 лет, и в других странах ЕС также существуют ограничения в этой сфере [12]. Общий дух коммерциализации «всего и вся» опосредованно затронул область воспитания и образования, которая стала считаться лишь сферой оказания услуг.

В настоящее время утрачено представление о необходимости определять соотношение в общественной жизни явлений спонтанно-естественных и предвзято-искусственных. Проходит некое мероприятие, позитивный характер которого по содержанию и назначению является очевидным; но возникает чувство вначале неловкости, а затем и раздражения, так как улавливаешь стойкий и усиливающийся «запах» заорганизованности, предвзятости и искусственности этого мероприятия. Иллюстрацией сказанного может быть так называемое прогрессивно-инновационное «развитие» современного образования на основе цифровых технологий.

Если утрачена эта способность улавливать различие естественно-го и искусственного, то в современных диснейлендах увидят только прогресс по сравнению с традиционными дворами с их незамысловатыми атрибутами детских игр. Человек не только со зрением, но и чувством вкуса (запаха) поймет, что обычный и уходящий в прошлое детский двор или традиционный парк рядом с домом были качественно иными сегментами социального пространства по сравнению с этими игровыми площадками для детей при/в супермаркетах, на которые детей привозят поразвлекаться, подобно тому, как заключенных время от времени выводят на прогулки. Ж. Бодрийяр удачно назвал Диснейленд «быстрозамороженным инфантильным миром» и так разгадывает его привлекательность для детей и взрослых: «Диснейленд существует для того, чтобы скрыть, что Диснейлендом на самом деле является „реальная” страна — вся „реальная” Америка (примерно так, как тюрьмы служат для того, чтобы скрыть, что весь социум, во всей своей полноте, во всей своей банальной

вездесущности, является местом заключения)» [13, с. 26]. Обычный детский двор, будучи особой и относительно замкнутой микровселенной, при этом сохранял естественную связь со всем миром, с его, признаем, не только позитивными, но и негативными сторонами. Да, на улице и во дворе ребенок также узнавал, что такое нецензурная брань, табак, алкоголь и т. п. Но чему учит молодежь современный интернет? Социализация индивида означает приобретение не известного навыка страуса, а способности противостояния неизбежным столкновениям со злом.

Вопрос о соотношения добра и зла в общественной жизни является сложным и противоречивым, поэтому, разумеется, не стоит впадать в идеализм и плоское морализаторство. Традиционному мировоззрению в этом вопросе не был присущ утопизм; признавалось, что в общественной жизни наряду с добрыми началами функционируют и негативные, которые невозможно устранить, но достижима цель их минимизации, удержания в определенных рамках и даже их преобразования. Конфуций говорил не о наполнении всей общественной жизни *Жень*, то есть человеколюбием и нравственностью, а о достижении «правильного баланса любви и ненависти» (Лунь Юй. XII, VI, 22). Такого рода суждения не оправдывали абсолютную относительность нравственных оценок, а требовали от человека соответствующей не только интеллектуальной, но и духовно-эмоциональной сосредоточенности сознания. Ж. Бодрийяр обращает внимание на реверсивность (обратимость) добра и зла и советует: «Зло надо не отрицать: с ним необходимо вступать в игру, им необходимо играть, его нужно переигрывать» [14, с. 29]. Опасаясь, что этот совет будет воспринят в духе релятивизма, философ подчеркивает, что мысль «обязана также и оставаться гуманистической, внимательной к человеку и, следовательно, вскрывать реверсивность добра и зла, гуманного и негуманного» [14, с. 29].

Многие негативные стороны общественной жизни не могут быть полностью устранены. Но всегда проявлялось стремление установить определенные рамки, говоря условно, допустимого и дискретно-эпизодического проявления негативного с целью не допустить его проникновения в самую ткань социума. Наглядным примером сказанного является алкоголь и табак; возраст субъекта, место, время приобретения и потребления этих предметов формально-юридически ограничены. Точно так же во все времена и в большинстве культур наблюдалось настороженное отношение к такому виду пред-

принимательства, как ростовщичество. В римском праве определялись максимальные ставки процентов по договору займа и не допускался анатоцизм (начисление процентов на проценты); в христианстве и исламе представителям этих религий вообще запрещалось заниматься ростовщичеством. Но современная экономика абсурдна, так как банковско-финансовый капитал занял в ней центральное положение и определяет ее фундаментальные закономерности развития и функционирования. То есть то, что раньше воспринималось как дискретно-чрезвычайное, приобрело системный («атмосферный») характер. Становится понятным известное высказывание, которое Б. Брехт вложил в уста своего персонажа: «Что такое ограбление банка по сравнению с его учреждением?!». Автор этой статьи провел исследование, опросив несколько десятков сотрудников банка по поводу этого суждения Б. Брехта; большинство с ним согласилось, и не было ни одного, кто выступил бы в защиту своей «родной» корпорации.

Метафорой общего (понятия, смысла) и одновременно конкретного, реально проявляющегося в социальном бытии, может быть атмосфера, внутри которой существует человек и общество в целом. В отличие от природной атмосферы «воздух» социальности (культуры) должен постоянно воспроизводиться в общественной жизни в процессе общения (социальной коммуникации). Так, в последние три десятилетия позитивным можно считать устранение формальных ограничений и запретов в социально-экономической и политической сферах российского общества. Но при этом трудно не заметить, что произошли негативные изменения не только в институциональных явлениях (в структуре экономики, социальной стратификации и т. д.), но и в самой атмосфере общественной жизни. Говоря образно, наблюдается «разрежение» атмосферы общественной жизни с точки зрения проявления в ней общих установок справедливости, нравственности, культуры; и при этом повысилась «концентрация» начал эгоизма, утилитаризма, пошлости, жестокости и т. п. При этом наблюдается намеренное нежелание ставить вопрос о коренных причинах негативных явлений.

В заключение заметим, что единичные акты поведения индивидов кроме достижения конкретных (дискретных) целей участниками социальных отношений что-то привносят в общую атмосферу общественной жизни. В случае посягательства на индивидуальную ценность или отказа индивида от участия в реализации общих

принципов и ценностей одновременно затрагивается и весь социальный мир. П.А. Флоренский писал: «Злая и добрая волна, раз возбужденная на поверхности людского моря, никогда не исчезает, но вечно расходится ширящимися кругами» [15, с. 195]. Такая постановка проблемы в отношении человека и общества является не абстрактной, а содержательной и конкретной.

Возникает вопрос: каким образом познавать и диагностировать состояние общественной жизни с точки зрения наличия в нем опосредованно-фоновых проявлений социального зла, если они не могут быть в полной мере выявлены классическими методами научного исследования? В постулатах неклассической (постнеклассической) методологии, которую также называют контекстно-диалогической, утверждается, что истина не просто «рождается в споре», а постоянно проявляется и выявляется в процессе социального диалога. Само состояние общения и есть форма не просто познания, но и существования (воспроизводства) истины. Речь о том, что участниками указанного диалога как формы проявления истины должны быть не только представители различных наук, но и философы, богословы и деятели искусства. Давно замечено, что фундаментальное неблагополучие в общественной жизни и надвигающуюся социальную катастрофу первыми замечают (чувствуют, улавливают запах) писатели и художники. В 1982 г. трудно было даже вообразить развал СССР; но в этом же году был снят замечательный фильм «Остановился поезд» (реж. В. Абдрашитов, сцен. А. Миндадзе), в котором, с одной стороны, показано внешнее благополучие советского строя, но, с другой стороны, художественно изображено установление атмосферы расхлябанности, лицемерия и показухи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Хайдеггер М. Беседа с Хайдеггером // Г'Exress. 1969. 20–26 oct., p. 79–85. URL: odinblago.ru/haideger_razgovor/7 (дата обращения 15.06.2022).

2. Хайдеггер М. Наука и осмысление / М. Хайдеггер. Время и бытие: статьи и выступления. М., 1993.

3. Делез Ж. Шизо-поток и погребальная аксиоматика капиталистического социуса // Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса». М., 2009.

4. *Адам Смит*. Исследование о природе и причинах богатства народов. Книга 1. Глава II. О причине, вызывающей разделение труда. URL: <http://ek-lit.narod.ru/smit003.htm> (Дата обращения 17.06.2022).

5. *Джеймисон Ф.* Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М., 2019.

6. *Матузов Н.И.* Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2004.

7. *Ильин И.А.* О сущности правосознания. М., 1993.

8. *Декарт Р.* Сочинения в 2 т. Т. 1. М., 1989.

9. *Аванесов С.С.* Зрение и знание в философии Аристотеля // Философское антиковедение и классическая традиция. Т. 10. Вып. 2. Новосибирск, 2016.

10. Депутат Госдумы Олег Смолин: О причинах событий в Казани // Яндекс-Дзен. URL: <https://zen.yandex.ru/media/smolin/o-prichinah-sobytii-v-kazani-609a9f538066ba20a664d127> (Дата обращения 17.06.2022).

11. Секреты Facebook вынесла бывшая сотрудница // Газета. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/2021/10/04/14048311/fbwhistleblower.shtml>

12. *Ефимова Л.* Дети и реклама: зарубежный взгляд на проблему. URL: <http://childcult.rsuh.ru/article.html?id=74233> (дата обращения 17.06.2022).

13. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции. М., 2018. С. 26.

14. *Бодрийяр Ж.* Пароли. От фрагмента к фрагменту. Екатеринбург, 2006.

15. *Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи. М., 2005.